Картины прошлаго.

(Изъ семейной хроники священника).

Въ наше время воспоминанія пишутся многими; но, по большей части, это воспоминанія о людяхъ, чѣмъ либо знаменитыхъ: государственныхъ дѣятеляхъ. литераторахъ, ученыхъ... Предки мои были люди простые, некнижные, скромно и незамѣтно прошедшіе свое земное поприще.

Не смотря, однако, на это, у меня явилось желаніе разсказать объ ихъ жизни, потому что жизнь эта нѣкоторыми своими сторонами представляетъ немало интереснаго и назидательнаго. *)

I.

Дѣдъ мой, отецъ моего родителя, былъ священникомъ церкви села Старой Пыхани, Пошехонскаго у., Ярославской губ., в жилъ въ XVIII-мъ и началѣ XIX-го столѣтій. Ни въ какомъ учебномъ заведеніи онъ не учился, не имѣлъ и фамиліи, такъ что подъ церковными документами подписывался просто: „іерей Іоаннъ." Начальную грамотность дѣдъ, какъ и многіе изъ современныхъ ему священниковъ, получилъ дома, у своего отца, тоже священника, который обучилъ сына читать, пѣть по обиходу и кое-какъ писать. Съ этими знаніями дѣдушка поступилъ сначала въ пономари, потомъ въ дьячки, затѣмъ въ діаконы и наконецъ дослужился до сана священника.

Будучи необразованъ, дѣдъ и по внѣшнему своему виду мало чѣмъ отличался отъ простолюдина. Одѣвался онъ всегда просто; поярковая шляпа, домотканный изъ пятокъ подрясникъ и новые лыковые, сплетенные своими руками, лапти — вотъ его обычная одежда, въ которой являлся онъ въ храмъ совершать богослуженіе. Но зато хозяинъ онъ былъ образцовый. У него былъ свой помѣстительный деревянный домъ, во дворѣ котораго стояло нѣсколько головъ скота, свой же наполненный хлѣбомъ двухъ этажный амбаръ и нѣсколько десятинъ земли. Все это богатство добыто было трудами собственныхъ рукъ и бережливостью.

— „Денежку," говаривалъ дѣдъ. „добывали мы молотиломъ предъ овиномъ... Вдвоемъ съ Ѳедорашей (жена дѣда) овиновъ по двѣнадцати одной ржи обмолачивали. Бывало, устанемъ,—крикнемъ на подмогу гуляющихъ сельскихъ ребятъ, дадимъ имъ по печеному яицу,—и закипитъ спять работа. Ребята снопы таскаютъ, стелютъ ихъ да ворочаютъ, а мы молотимъ въ два молотила.." Вотъ какъ трудились въ старину сельскіе священники!

Не смотря однако на это, дѣдушка былъ не скупъ. Разумная бережливость въ немъ жила рядомъ со щедрою, чисто христіанскою до-

*) „Картины прошлаго" составлены авторомъ частію по воспоминаніямъ его родителя, отъ лица котораго и ведется разсказъ, главнымъ же образомъ на основаніи записей и дневниковъ его дяди, священника с. Покровскаго въ Бунькове, Данилов. у., о. Н. Д-на. На страницахъ Епархіальныхъ вѣдомостей такъ мало появлялось воспоминаній о прежней жизни духовенства, имѣющихъ отношеніе до его исторіи и быта, что мы охотно помѣщаемъ правдивую повѣсть молодого автора о томъ, какъ жили и умирали люди, принадлежавшіе къ 3-мъ поколѣніямъ духовенства, какіе высокіе образцы трудолюбія, терпѣнія и любви являли эти простые и добрые люди въ своей жизни, какъ умѣли безропотно мириться со всѣми невзгодами жизни и мужественно переносить посылаемыя имъ испытанія. Ред.

бротою. Каждую весну раздавалъ онъ бѣднякамъ по нѣскольку четвертей ржи, никогда не требуя отдачи; ни одинъ проситель—крестьянинъ не уходилъ отъ дѣдушки безъ удовлетворенія просьбы и помощи. Лѣтомъ, когда вынимали медъ, даже прохожіе и проѣзжавшіе селомъ Пыханью получали отъ дѣда по соту сладкаго меда.

Гостепріимство дѣда тоже не знало границъ. Въ годовые праздники къ нему пріѣзжало, обыкновенно, множество гостей, которые угощались у него по трое сутокъ. Въ это время домашняго приготовленія пиво, медъ и простая русская водка (пѣникъ) „рѣкой лились“ въ дому дѣда, и гости по цѣлымъ часамъ не выходили изъ за стола, угощаясь многоразличными и сытными яствами. Всѣ чувствовали себя здѣсь непринужденно, какъ дома, бесѣдовали о приходахъ и доходахъ, о домоводствѣ и хозяйствѣ, пѣли церковныя нѣснопѣнія и свѣтскія нѣсни, иногда заводили безконечные споры догматическіе или (что бывало чаще) изъ области церковнаго устава,—а временами дѣло сводилось къ похвальбѣ силами физическими и къ спорамъ, кто сильнѣе. Въпослѣднемъ случаѣ, когда споръ очень разгорался, гости прибѣгали для рѣшенія онаго къ состязанію, состоявшему въ томъ, что спорщики садились на полъ другъ противъ друга, упирались нога въ ногу и, взявъ въ руки скалку, начинали тянуть каждый въ свою сторону: при этомъ менѣе сильный невольно поднимался съ полу и вставалъ на ноги. Для той же цѣли употреблялся иногда и другой способъ: по срединѣ комнаты ставилась на полъ большая березовая ступа, употребляемая для толченія зерепъ; силачъ подходилъ къ этой ступѣ, бралъ ее за верхній край своими зубами и безъ всякой иной помощи поднималъ такъ, что дно ступы касалось наконецъ палатей, куда въ концѣ концовъ она и засовывалась Такъ забавлялись въ дому дѣда гости мужчины. Женщины въ это время разговаривали объ обыденныхъ нуждахъ, хлопотахъ и деревенскихъ новостяхъ; пѣли онѣ только по приказанію мужей. Дѣвицы на глаза гостей не показывались и сидѣли въ какомъ нибудь укромномъ мѣстѣ—или за перегородкой въ избѣ или въ свѣтелкѣ. Танцевъ еще не существовало. Считалось несоотвѣтствующимъ достоинству дочери священника не только бесѣдовать съ кавалерами, но даже показываться на ихъ глаза.

Въ семействѣ у дѣда было три сына и три дочери. Научивъ дѣтей грамотѣ дома, дѣдушка отдалъ сыновей своихъ, по требованію времени, учиться въ существовавшее въ Ярославлѣ духовное училище. Но окончить полный курсъ ученія онъ не далъ ни одному изъ сыновей. „Полно, Заша, учиться“!—говорилъ онъ между прочимъ младшему и любимому своему сыну Захаріи:— „и не доучась, попомъ все равно будешь... Вонъ братъ твой Иродіонъ уже священствуетъ, а въ семинаріи, какъ и я, не учился“... Власть родительская тогда была крѣпка, и Захарій, конечно, согласился съ доводами родителя, но впослѣдствіи онъ

съ грустью вспоминалъ этотъ фактъ и сильно жалѣлъ, что отецъ не далъ ему доучиться.

Дожилъ дѣдъ мой, о. Іоаннъ, до 70 лѣтъ и умеръ, оплаканный всѣми знавшими его. Послѣ смерти дѣда, въ домѣ его осталась жить жена его, бабушка Ѳеодора, умершая 70 лѣтъ, и незамужняя дочь Александра, которой и достлось все дѣдушкино имѣніе.

Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Картины прошлаго.

(Изъ семейной хроники священника).

II.

Родитель мой, младшій сынъ о. Іоанна, Захарій Ивановичъ, какъ я уже говорилъ, не кончилъ курса въ семинаріи. По желанію отца, онъ вышелъ оттуда, проучившись только годъ. Изъ разсказовъ его о школьной жизни память моя сохранила очень немногое. Ходилъ онъ въ училище въ домотканномъ халатѣ, а лѣтомъ иногда—въ рубашкѣ и босикомъ. Науки тогда преподавались, большею частію, на латинскомъ языкѣ, и мальчикъ, проучившійся года три въ училищѣ, обязанъ уже былъ разговаривать съ товарищами на латинскомъ языкѣ. Для достиженія этого употреблялся слѣдующій интересный способъ: одному изъ учениковъ класса, обыкновенно дежурному, давалась небольшая палочка „scalcus;“ дежурный долженъ былъ замѣчать за товарищами, не скажетъ ли кто изъ нихъ русскаго слова; если такой находился, тогда дежурный вручалъ ему scalcus со словами: „ecce tibi scalcus!...“ Получившій палочку старался сбыть ее другому, тоже провинившемуся, этотъ третьему и т. д. По приходѣ учителя объявлялись фамилія учениковъ, въ рукахъ которыхъ успѣлъ побывать scalcus; этихъ послѣднихъ тутъ же, въ классѣ, наказывали розгами.

По выходѣ изъ семинаріи, родитель мой вскорѣ поступилъ въ дьячки къ своему отцу, въ Старую Пыхань. Здѣсь онъ открылъ у себя сапожную мастерскую, съ молоду еще изучивъ это ремесло. Какъ сынъ богатаго отца, добывавшій притомъ достаточныя средства своимъ личнымъ трудомъ, Захарій Ивановичъ любилъ въ это время одѣться, особенно въ праздники, понаряднѣе. Выходя гулять, онъ надѣвалъ на себя поярковую шляпу, плисовое полукафтанье, шелковые чулки и козловые башмаки на высокихъ деревянныхъ каблукахъ, за что и слылъ у народа за „Пыханскаго щеголя.“

*) Продолженіе. См. № 42-й

На двадцать первомъ году отъ рожденія Захарій Ивановичъ вступилъ въ бракъ съ четырнадцатилѣтнею дѣвицей Александрой Алексѣевной. Она была сирота. Отецъ ея умеръ скоропостижно, принявъ по незнанію сильную дозу мышьяку. Матери Александра Алексѣевна лишилась еще въ раннемъ дѣтствѣ, такъ что замужъ выдавалъ ее совершенно чужой уже человѣкъ, какой-то врачъ изъ г. Данилова, у котораго она воспитывалась послѣ смерти отца.

Послѣ сватьбы молодые вскорѣ оставили Пыхань и переселились въ с. Скобѣево, Пошехонскаго же уѣзда, куда родитель опредѣленъ былъ діакономъ. Здѣсь они жили довольно долго. На первыхъ порахъ молодая четырнадцатилѣтняя хозяйка умѣла только шить, читать, кое какъ писать и хорошо пѣть, но ни ткать, ни прясть, ни хлѣба испечь она не могла. „Въ это время, вспоминала впослѣдствіи матушка, *батько* (такъ звала она своего мужа) самъ топилъ печь, пекъ хлѣбы и готовилъ кушанье.“ Да и интересовали ее въ то время не столько хозяйство, сколько дѣтскія игры и забавы. „Въ годовые праздники,“ разсказывала матушка, „батько пируетъ съ гостями, а я играю въ свѣтелкѣ съ куклами.“ Однако вскорѣ изъ молоденькой и совершенно несвѣдущей въ хозяйствѣ дѣвушки вышла—отличная трудолюбивая и домовитая—хозяйка и прекрасная мать семейства.

Во время жизни Захарія Ивановича въ Скобѣевѣ, умеръ и отецъ его, іерей Іоаннъ. Передъ своею смертію, желая сдать священническое мѣсто въ Старой Пыхани любимому сыну, дѣдушка не разъ посылалъ ему письма, но они почему то не доходили до Захарія Ивановича. „Не ѣдетъ ко мнѣ Заша,“ съ горестью твердилъ умирающій дѣдъ, „видно, письма мои къ нему не доходятъ, слуги вѣрны не доносятъ.“ Печальная вѣсть о кончинѣ дѣдушки пришла къ моему родителю уже послѣ сороковаго дня, потому и священническое мѣсто въ Старой Пыхани досталось чужому лицу.

Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти дѣдушки случилось съ отцомъ происшествіе, окончившееся для него очень печально и изломавшее всю его такъ хорошо начавшуюся и полную надеждами жизнь Отецъ не любилъ разсказывать объ этомъ непріятномъ случаѣ, но дѣло заключалось приблизительно въ слѣдующемъ. Въ одну глубоко-снѣжную зиму ѣхалъ онъ на своей лошадкѣ въ дровняхъ *) по узкой проселочной дорогѣ и встрѣтился съ повозкой какого-то ротнаго командира. — „Эй ты, попъ, сворачивай, „закричалъ ему командиръ. Отецъ, жалѣя свою слабую лошадь и не зная, какъ поступить, медлилъ исполнить требованіе командира. Тогда послѣдній выскочилъ изъ повозки и ударилъ отца нагайкой. Загорѣлось сердце у родителя отъ такого оскорбленія и онъ, нужно ду-

*) Безъ задка. Задки у дровней сравнительно болѣе позднее изобрѣтеніе. Д.

мать, не остался въ долгу у своего обидчика... Кончилось дѣло тѣмъ, что командиръ принесъ жалобу на отца за оскорбленіе, и батюшка понесъ суровую кару: съ дьяконскаго мѣста въ с. Скобѣевѣ его перевели на пономарскую вакансію въ село Абакумцево, Ярославскаго уѣзда; впрочемъ діаконскаго сана не лишили.

Тяжело было родителю это наказаніе, однако онъ не упалъ духомъ и довольно бодро перенесъ ниспосланное ему испытаніе. Повинуясь волѣ начальства, батюшка съ женой и шестерыми дѣтьми переселился на новое мѣсто, въ совершенно чужой и незнакомый ему уѣздъ и въ не богатый (въ то время) Абакумцевскій приходъ.

Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Картины прошлаго. *)

(Изъ семейной хроники священника).

III.

Трудная жизнь началась для моего родителя, когда онъ переѣхалъ въ село Абакумцево. По пріѣздѣ туда, болѣе двухъ лѣтъ жилъ онъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ церковной сторожкѣ, такъ какъ средствъ на постройку собственнаго дома совсѣмъ не было. Въ Абакумцевѣ доходы батюшки не превышали 150 р. въ годъ. На эти скудныя средства нужно было содержать семью—прокормить ее, обуть, одѣть и дать образованіе. Не смотря однако на стѣсненное матеріальное положеніе, отецъ не хотѣлъ разстаться съ мыслію объ устройствѣ собственнаго домика. И вотъ, чтобы осуществить эту, мечту батюшка работаетъ за двоихъ, трудится лѣтнею порою въ полѣ съ ранняго утра до глубокой ночи. Самъ оретъ и пашетъ, самъ управляется съ жнитвомъ и сѣнокосомъ Такъ какъ причтовой земли на долю отца приходилось очень мало, то онъ бралъ землю въ аренду у крестьянъ. Вблизи такой земли не было, поэтому батюшкѣ приходилось брать ее за четыре версты отъ Абакумцева... Можно себѣ представить, сколько труда положилъ батюшка, чтобы воздѣлать эту землю и дождаться отъ нея добытого собственными трудами хлѣба! Кромѣ того, когда ужъ очень допимала нужда, случалось, что отецъ нанимался къ сосѣднимъ крестьянамъ и за условленную плату пахалъ и обработывалъ ихъ надѣльную землю.

Въ трудахъ родителю помогали взрослые дѣти и особенно матушка. Послѣдняя въ лѣтнее время совсѣмъ не знала отдыха. Утромъ, когда мы еще сладко спимъ, она, бывало, подпимется чѣмъ свѣтъ, истопитъ печь и спѣшитъ на поле. Наработается тамъ, потомъ, придя домой, разбудитъ насъ, накормитъ завтракомъ и затѣмъ снова, какъ царица у пчелокъ, окруженная нами отправляется въ поле, вызывая одобреніе у сосѣдей-крестьянъ... „Вонъ вышла на работу Захарова барщина“, толкуютъ мужички:—„бойко работаютъ, только дѣла припасай“! И, дѣйствительно, матушка и для другихъ могла служить примѣромъ трудолюбія и усердія: за какое дѣло по принималась, трудилась не покладая рукъ. Матушка, какъ и отецъ, любила, чтобы всякая работа шла скоро и хорошо. И какое удовольствіе выражалось, бывало, на ея лицѣ и въ ея глазахъ, когда она видѣла, что мы тоже трудимся съ полнымъ прилежаніемъ. Случалось и не разъ, что не желая оставить какой-нибудь

*) Продолженіе. См. № 43 н. ч. сего года.

полоски недожатою, вмѣстѣ съ нею мы жинали и часокъ-другой уже послѣ заката солнца. О спасибо тебѣ наша дорогая! Благодаря твоимъ заботамъ, мы—дѣти съ малыхъ лѣтъ сроднились съ трудомъ, узнали всѣ тяготы трудовой жизни пахаря-крестьянина, а узнавъ ихъ научились любить и уважать тружениковъ земледѣльцевъ. Матушка же научила насъ принимать близко къ сердцу крестьянскія нужды. Видя иной разъ, особенно въ страдную пору, что у бѣднаго мужичка не хватаетъ рукъ справиться съ дѣломъ, матушка являлась къ нему съ помощью, и мы не разъ вмѣстѣ съ нею то возили чужое сѣно и снопы, то молотили на чужой ригѣ, то помогали бѣдняку управиться съ сѣнокосомъ. Доброта и состраданіе были главными, выдающимися чертами въ характерѣ нашей матери. Она готова была отдать бѣдняку все, что имѣла; если она была въ состояніи исполнить чужую просьбу, она никогда не отказывала. За то и любили ее крестьяне. Нерѣдко утромъ, выйдя на улицу, мать находила на заваленкѣ своего дома то новину, то пирогъ или хлѣбъ, то десятокъ яицъ. Со слезами всегда молилась матушка за тайныхъ благотворителей и горячо въ душѣ благодарила этихъ добрыхъ людей, помогающихъ ей ростить и воспитывать многочисленную семью.

Такими-то усердными, усиленными трудами всей семьи удалось, наконецъ, родителю, при помощи добрыхъ людей, скопить небольшую сумму денегъ, на которую онъ купилъ на Волгѣ сотню бревенъ для дома. Самъ, на своей лошадкѣ, перевезъ онъ эти бревна съ Волги въ Абакумцево, и, наконецъ, завѣтная его мечта исполнилась: явился у него собственный домикъ! И теперь въ подробнѣйшихъ чертахъ представляется мнѣ этотъ домикъ, въ которомъ не только каждое бревно, но можно сказать каждая соломинка омыты были потомъ нашихъ тружениковъ родителей. Впрочемъ личныя мои воспоминанія рисуютъ мнѣ родительскій домикъ старымъ и маленькимъ, вѣроятно, потому, что я въ этомъ домѣ родился и новымъ его совсѣмъ не помню. Вотъ онъ стоитъ въ числѣ двадцати двухъ сельскихъ домовъ, противъ высокаго земляного вала, окружающаго сельское кладбище,—убогій, низенькій, покрытый соломою,—и грустно смотритъ двумя своими окнами на церковное кладбище и большую Костромскую дорогу, а третьимъ, боковымъ,—на пятиглавый Абакумцевскій храмъ. Снаружи домикъ ничѣмъ не украшенъ; у него нѣтъ даже и крыльца, а простой рундучекъ съ одной приступкою да калитка въ сѣни. Налѣво изъ сѣней—дверь въ избу, а направо—въ лѣтнюю горницу, гдѣ помѣщалось и нѣсколько сусѣковъ съ хлѣбомъ. Семь аршинъ длины, столько же ширины, два съ половиною аршина высоты,—вотъ размѣры родной нашей избушки. Не богато было у нея и убранство: въ правомъ углу отъ входа—печь, широкіе палати, двѣ лавки, полавоч-

никъ, въ переднемъ углу три иконы (Спасителя, Казанской Божіей Матери и Алексія—человѣка Божія) и столъ. Съ западной стороны къ избушкѣ пристроенъ былъ небольшой дворикъ для домашняго скота· тутъ же, за неимѣніемъ сарая, лежало и сѣно. Въ этомъ то домикѣ родитель ростилъ и воспитывалъ насъ; здѣсь же, въ этихъ стѣнахъ, протекло и мое незабвенное дѣтство.

Д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Картины прошлаго. *)

(Изъ семейной хроники священника).

IV.

Многое помнится мнѣ изъ годовъ дѣтства, но особенно ясно представляется то время, когда батюшка приступилъ къ обученію насъ грамотѣ. Вотъ прошло уже жаркое лѣто, полевыя работы всѣ покончены,

*) Продолженіе. См. № 44 н. ч. сего года.

вступила дождливая осень съ длинными, темными вечерами, а за ней и холодная зима. По осени отецъ набралъ крестьянскихъ дѣтей и учитъ ихъ грамотѣ, получая „за выучку“ отъ двухъ до трехъ рублей съ человѣка. Мать помогаетъ ему и въ этой работѣ. Зимнее морозное утро. Ученики сидятъ въ нашей избушкѣ кругомъ стола на лавкѣ и на скамьяхъ, возлѣ нихъ—мать съ неизмѣнной своей подругой—пряхой; она учитъ неумѣющихъ читать по складамъ: буки азъ ба-ба, вѣди азъ ва-ва и т. д. Другіе ученики читаютъ вслухъ и по складамъ и по верхамъ часословъ и псалтирь. Всѣ они голосятъ нараспѣвъ и настолько громко, что непривычный человѣкъ ничего не пойметъ изъ прочитаннаго ими. Но привычное ухо отца различаетъ все и умѣетъ уловить всякую ошибку въ чтеніи. Занимаясь чѣмъ либо по хозяйству, онъ то-и дѣло поправляетъ ошибки учениковъ. „Мишутка“, говоритъ онъ, „ты не такъ прочиталъ сейчасъ слово,— повтори его!“ Мальчикъ читаетъ еще разъ и если прочиталъ правильно, отецъ молчитъ или заставляетъ читать дальше; если нѣтъ, приказываетъ „сложить», и чтеніе по складамъ повторяется до тѣхъ поръ, пока слово не выговаривается правильно. Такъ обучали чтенію въ то доброе старое время и такимъ способомъ добивались правильнаго чтенія. Замѣчать ошибки въ чтеніи учениковъ батюшкѣ было тѣмъ легче, что весь часословъ и почти всю псалтирь отецъ зналъ наизустъ. И не удивительно: кромѣ обученія дѣтей, способствовало этому тогдашнее истовое отправленіе богослуженія, неопустительно по уставу церковному, въ которомъ, какъ и въ пѣніи, родитель нашъ считался знатокомъ. Да и дома у насъ не было никакихъ другихъ книгъ, кромѣ часослова, псалтири и четіихъ-миней.

Вмѣстѣ съ крестьянскими ребятами обучались грамотѣ и мы. Нашими занятіями руководила и за нами слѣдила болѣе матушка, чѣмъ отецъ. Она, бывало, что-нибудь шьетъ или прядетъ, а мы рядомъ съ ней учимся. Черноголовый старшій братишка мой Миша бойко читаетъ псалтирь, словно хочетъ похвастаться передо мной успѣхами. „Азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій“... выкрикиваю и я, повторяя слова азбуки, а самъ то и дѣло поглядываю въ окно: не пробѣжитъ-ли Сашутка Пановъ, мой товарищъ и ровесникъ... „Маменька, голубушка“, невольно вскрикиваю я, завидѣвъ бѣгущаго товарища, „отпусти погулять,- вонъ Сашутка пробѣжалъ!“ - „Подите, погуляйте“, отвѣчаетъ мать, „да только недолго, а то батько забранитъ“. Мы тотчасъ же срываемся съ мѣстъ и исчезаемъ изъ дому; какъ вольныя птицы, летимъ мы по широкому, изогнутому глаголемъ посаду села Абакумцева къ товарищамъ своего дѣтства: Сашуткамъ, Ванюшкамъ, Ѳедюшкамъ и другимъ крестьянскимъ ребятишкамъ, съ которыми такъ весело и хорошо было гулять и играть въ годы дѣтства. Набѣгались, натѣшились, наигрались! Надо давно идти домой: мама уже нѣсколько разъ кричала намъ, и вотъ,

наконецъ, мы являемся. Миша садится и пишетъ. Я гляжу на столъ; тамъ что-то для меня совершенно новое: маленькія лучинки раскладены въ видѣ какой-то поднимающейся и опускающейся лѣсенки.—„Это для чего, мама?“ спрашиваю я.—„Садись за столъ, узнаешь“, ласково отвѣчаетъ мать. Интересно узнать новенькое,—и я проворно сажусь за столъ рядомъ съ матерью.—„Пой, что я буду пѣть,“ говоритъ она и начинаетъ гамму: уть, ре, ми, фа..., указывая по порядку на разложенныя лучинки. Я съ удовольствіемъ пою вслѣдъ за ней.

Вечеръ. Огонь засвѣчать еще рано, можно поэтому „посумерничать.“ Мама ложится на печку, мы съ Мишей забираемся туда-же. Но и тутъ подготовка насъ къ училищу не прекращается: милая мама учитъ насъ или со словъ молитвамъ, или поетъ съ нами „по солямъ“ весь догматикъ перваго гласа: ми, ре, ми, фа, соль, фа ми, ре. Всѣ догматики 8 гласовъ матушка знала наизустъ и умѣла ихъ пѣть правильно и вѣрно. Но вотъ пѣніе догматиковъ на печкѣ кончено: я, лежа за спиной матери, начинаю шепотомъ просить: „милая мамочка, спой пѣсенку!“ Мать и желала бы исполнить мою просьбу, но боится потревожить отца, который лежитъ на полатяхъ и, кажется, заснулъ. Наконецъ, уступая моимъ просьбамъ, мама въ полголоса спрашиваетъ: „Батько, ты спишь, или нѣтъ?“ „Нѣтъ“ отвѣчаетъ отецъ. „Вонъ Колюшка проситъ спѣть пѣсню“.—„Запѣвай“, говоритъ отецъ, „потѣшь малыша!“ Получивъ разрѣшеніе, мама начинаетъ свою любимую и едва ли не единственную пѣсню:

Гори яснѣй, моя лампада,
Молись теплѣй, душа моя,
Я рабъ страстей, стяжанье ада
И вѣчныхъ мукъ достоинъ я.
Смотрю въ жизнь прошлую съ боязнью,
Въ ней тщетно добрыхъ дѣлъ ищу
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Томлюсь, страдаю, трепещу...

Эту пѣсенку матушка любила пѣть до конца и не торопясь. И долго въ тишинѣ зимняго вечера наша хатка оглашалась звуками пріятнаго дисканта нашей милой мамы. Иногда и отецъ вторилъ маменькѣ при пѣніи этой пѣсни. *Д.*

Картины прошлаго.

(Изъ семейной хроники священника).

V.

Часъ сумерничанья конченъ. Лучина, воткнутая въ свѣтецъ, горитъ яркимъ пламенемъ. Отецъ сидитъ на лукошкѣ противъ лавки, гдѣ раскладены разныя принадлежности сапожнаго ремесла и подшиваетъ сапоги. Мы за столомъ, съ книгами. Матушка помѣстилась около свѣтца, поправляетъ на немъ лучину, прядетъ лепъ и въ тоже время учитъ насъ читать. „Мать“! раздается голосъ отца.—„Что, тебѣ? спрашиваетъ матушка. „Холодно, дратва обсыпается“... Матушка, ничего не говоря, тотчасъ же беретъ косарь и начинаетъ щепать лучину; потомъ на полъ по срединѣ комнаты ставитъ два кирпича, на кирпичи кладетъ заслонку, а на нее изломанныя лучинки и всю эту грудку поджигаетъ съ четырехъ сторонъ. Лучина быстро разгорается и на полу вспыхиваетъ яркій огонь. „Пажогъ! пажогъ! пажогъ“!.. невольно вскрикиваемъ мы, оставляя наскучившее намъ чтеніе, но отецъ строго останавливаетъ насъ, и мы опять начинаемъ читать, то и дѣло посматривая на яркое пламя „пажога“. Маменька между тѣмъ не перестаетъ поддерживать на заслонкѣ огонекъ,

*) Продолженіе. См. № 45 н. ч. сего года.

который намъ такъ нравится, и пріятная теплота разливается по нашей бѣдной избушкѣ. Дратва у батюшки перестала обсыпаться,—и онъ веселѣе и чаще взмахиваетъ руками, подшивая старыя валенки; смѣлѣе и звонче звучатъ при чтеніи и наши дѣтскіе голоса. Труженица мать опять сѣла за свою пряху и съ любовью посматриваетъ то на насъ, то на своего добраго „батьку“. Между тѣмъ „пажогъ“ догорѣлъ и потухъ, зажегши во всѣхъ обитателяхъ бѣдной избушки отрадное чувство. Къ такимъ „пажогамъ“, какъ средству борьбы съ зимними стужами, въ половинѣ истекающаго столѣтія бѣдняки прибѣгали почти повсемѣстно. О желѣзныхъ печкахъ, которыя теперь можно встрѣтить почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, тогда еще не было и помину.

Чу, загудѣлъ сторожевой абакумцевскій колоколъ; звуки его заунывно и рѣзко раздаются въ ночномъ холодномъ воздухѣ. Маменька отстала прясть и считаетъ удары. „Батько“, говоритъ она, окончивши счетъ, „девять часовъ пробило, не пора ли ужинать?—„Пора, собирай“! отвѣчаетъ отецъ и приказываетъ намъ оставить чтеніе. Мы, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и поцѣловавъ ту страницу книги, которую читали, выходимъ изъ-за стола и кладемъ книги на полавочникъ. Отецъ беретъ желѣзный подсвѣчникъ и, зажегши воткнутый въ него огарокъ сальной свѣчки, уходитъ на дворъ дать на ночь корму скотинѣ. Мы, дѣти, въ однѣхъ рубашонкахъ на минуту выбѣгаемъ на улицу, но зимній холодъ немедленно загоняетъ насъ обратно въ теплую родную избушку. Мать, накрывъ столъ столъ бѣлою домотканною скатертью, поставила на него деревянную четырехъ-угольную солонку и разложила круглыя деревянныя ложки. На концѣ стола лежитъ большой ржаной хлѣбъ, а возлѣ него ножъ, сдѣланный изъ сломанной косы и вставленный въ самодѣльную деревянную ручку. У печки раздаются равномѣрные удары деревяннаго пестика; это мама толчетъ ржаные сухари. „Миша! Коля!“ обращается она къ намъ, „возьмите на прилавкѣ чугунчикъ и очистите картофель“! Мы ловко и быстро исполняемъ порученное намъ дѣло. Отецъ возвращается со двора въ избу чѣмъ то встревоженный. „Мать, что-то лошадь плохо пила, говоритъ онъ, видно у нея во рту насосы; надо накормить ее завтра ячменемъ“.—„Надо, надо!“ озабоченно говоритъ мать и, повысивъ голосъ, добавляетъ: „а что, совсѣмъ управился?“—„Совсѣмъ“.—„Ну, такъ садитесь, съ Богомъ, ужинать“!

Отецъ и мать, умывши предварительно руки, начинаютъ молиться, произнося: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ·... Мы молимся вмѣстѣ съ ними, затѣмъ всѣ разсаживаемся каждый на свое мѣсто. Мы дѣти занимаемъ мѣста въ срединѣ стола, отецъ садится съ краю и рѣжетъ ровными ломтями хлѣбъ. Маменька поставила на столъ въ деревянной чашкѣ щи изъ сѣрой капусты, всыпала въ нихъ толченые сухари и бѣлитъ сметаной. Какъ вкусны тогда были эти щи съ сухарями! Нерѣдко

мы, увидавъ дно чашки и хорошо зная, что картофелемъ ужинъ и окончится, говаривали: „маменька, подбавь еще щецъ“!

Конченъ бѣдный ужинъ. Молитва благодарственная послѣ ужина и вечерняя совершены. Отецъ забирается на палати, маменька,ославъ намъ на полу постельникъ изъ соломы и положивъ въ головы старую шубенку, осѣняетъ насъ крестнымъ знаменіемъ и, окутавъ овчиннымъ тулупомъ, уходитъ на печь. Понемногу все засыпаетъ въ родной и бѣдной нашей избушкѣ. Приходилось впрочемъ и не разъ видать мнѣ, когда сонъ не сразу смежалъ мои очи, какъ наша дорогая мама въ ночномъ мракѣ стояла колѣнопреклоненная предъ святыми иконами. Уста ея иногда вслухъ произносили слова молитвы и слышалъ я, что она молилась о насъ, дорогихъ и милыхъ своихъ дѣточкахъ!.. *Д.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Картины прошлаго.

(Изъ семейной хроники священника).

VI.

Такъ день за днемъ проходило наше дѣтство въ домѣ родительскомъ, подъ теплымъ крылышкомъ родимой матушки. Незамѣтно наступило и время ученья. Отецъ, какъ и прочихъ дѣтей, отвезъ меня въ Ярославль самъ и оставилъ тамъ на квартирѣ у сестры, выданной замужъ за одного Ярославскаго чиновника. Какъ горько мнѣ было разставаться съ родимымъ домомъ! Какъ трудно было мнѣ привыкать къ новой обстановкѣ и пугавшему меня училищу! По началу, бывало, цѣлыя ночи плачешь, вспоминая родной кровъ. Трудно и представить то петербѣніе, съ какимъ ждалъ я отпуска на первыя каникулы. Еще задолго до Рождества я началъ высчитывать дни и часы, которые осталось жить въ Ярославлѣ. Наконецъ, дождались мы и давно желаннаго „роспуска“. Спѣшимъ въ родное Абакумцево. Дорогая наша мама уже давно поджидаетъ насъ. Зная, что корова къ празднику доить не будетъ, она заранѣе накопила для насъ и кислаго и мороженаго молока. И вотъ мы дома, въ ея объятіяхъ...

Я и до сихъ поръ хорошо помню дни праздниковъ. Вечеръ. Завтра Рождество Христово. У насъ, въ домѣ, все примыто и прибрано. Наканунѣ великихъ праздниковъ вечеромъ отецъ снималъ съ полавочника большую книгу „Четьи-Минеи“ и, вооружась очками, садился къ столу. Онъ любилъ въ навечеріе праздниковъ читать что-нибудь божественное и читалъ всегда вслухъ. Всѣ мы замолкали и внимательно слушали чтеніе батюшки. Съ необыкновенною отчетливостью сохранила мнѣ моя память встрѣчу праздника Св. Пасхи. Къ служенію въ первый день Пасхи отецъ приготовлялся особенно торжественно. Въ этотъ праздникъ нашъ священникъ о. Іоаннъ каждогодно дозволялъ отцу служить діакономъ. Это дозволеніе несказанно радовало отца, и радостное возбужденіе сказывалось во всемъ его поведеніи, въ его взглядѣ и даже въ его движеніяхъ. Всю ночь наканунѣ праздника онъ проводилъ безъ сна и находился то дома, то въ церкви, гдѣ слѣдилъ за чтеніемъ Дѣяній. Но вотъ въ концѣ двѣнадцатаго часа загудѣлъ большой и звучный абакумцевскій колоколъ; на много верстъ кругомъ разлились его плавные мѣдные звуки. Колокольня и церковь съ верху до низу залиты красноватымъ свѣтомъ горящихъ плошекъ. Большія толпы народа то и дѣло проходятъ къ церкви; скоро начнется торжественная Пасхальная утреня.

Отецъ спѣшно приходитъ домой, надѣваетъ лучшій нанковый подрясникъ (рясы у него по бѣдности не было), распускаетъ свою небольшую косицу волосъ, расчесываетъ ихъ и бороду деревяннымъ гребешкомъ и, осѣнивъ себя истово крестнымъ знаменіемъ, снова идетъ въ церковь, приказавъ намъ не запаздывать къ началу заутрени и хорошенько пѣть на лѣвомъ клиросѣ. (На правомъ клиросѣ пѣлъ псаломщикъ съ крестьянами). И вотъ мы на клиросѣ и съ дѣтскою радостью поемъ ирмосы пасхальнаго канона. Никогда я не забуду этихъ минутъ! Какъ громко, какъ радостно мы пѣли! У меня, малолѣтка, слезы навертывались на глазахъ и нервная дрожь пробѣгала по спинѣ, когда отецъ въ діаконскомъ облаченіи величественно выходилъ изъ алтаря съ Евангеліемъ и съ чувствомъ громогласно читалъ „Въ началѣ бѣ Слово“..... Отецъ въ это время какъ будто преображался и становился неузнаваемымъ; высокій ростъ, атлетическое сложеніе, большая окладистая борода и медленная походка въ это время какъ то особенно шли къ нему; на его открытомъ съ густыми сросшимися бровями и сѣрыми выразительными глазами лицѣ отражалось тогда какое то особенное достоинство и важность. Совсѣмъ не то было въ обыкновенные дни, когда отецъ исполнялъ пономарскія обязанности: задумчивость и печаль не сходили въ это время съ лица его; движенія были вялы и медленны; старый нагольный, подпоясанный истрепаннымъ кушакомъ, тулупъ какъ будто умалялъ его ростъ, а въ глухомъ надтреснутомъ голосѣ не слышно было могучихъ и плавныхъ нотъ, которыя такъ красиво звучали при чтеніи отцомъ пасхальнаго Евангелія.

Но вотъ божественная служба кончена. Мы радостные, веселые и довольные идемъ домой, христосуемся здѣсь съ милой мамою и садимся за столъ, на которомъ шумитъ давно готовый большой самоваръ, стоятъ чайныя чашки, сахарница, пасха и яица... Памятно мнѣ и то, что въ розговѣнье въ день Рождества Христова мы находили на столѣ аладьи и пахтанное мороженое молоко въ блюдѣ. Аппетитно мы ѣли эти аладьи изъ пшеничной домашней муки, обмакивая ихъ въ мороженое молоко. Всякое кушанье, приготовленное руками милой матери, казалось намъ необыкновено вкусно.

Какъ петерпѣливо ждала она насъ каждый вечеръ, когда мы должны были пріѣхать изъ прихода послѣ славленья! Сколько ласки и любви оказывала она намъ, помогая сосчитать наславленныя копейки и укласть ихъ въ новенькіе, сшитые ея же руками кошельки! За эту любовь и ласку матери и мы платили ей тѣмъ же. Всѣ выславленныя нами деньги отдавали мы ей и только по 20 копѣекъ каждый изъ насъ бралъ съ собою, отправляясь въ Ярославль. Мы хорошо знали, что милая мама не оставитъ насъ и тамъ и на насъ же израсходуетъ наши гроши. И, дѣйствительно, почти каждую недѣлю она навѣщала насъ въ Ярославлѣ,

и неблизкій путь туда и обратно (18 верстъ) проходила обыкновенно пѣшкомъ.

Іюльскіе лѣтніе жаркіе дни. Въ деревнѣ началась страда. Въ будни мамѣ некогда идти въ Ярославль, къ своимъ дѣточкамъ, а идти надо: тамъ тоже страда экзамены,—и вотъ она отправляется тула въ воскресенье. Одѣтая въ черное люстриновое платье, въ ситцевомъ платьѣ и такомъ же платкѣ, она босикомъ торопливою походкою идетъ между высокими березами большой дороги; въ одной рукѣ ея корзина съ сырыми лицами, въ другой—кувшинъ съ молокомъ, а за плечами мѣшокъ со сдобными колобушками. Это она несетъ недѣльную провизію своимъ сыновьямъ.

Вотъ она уже въ ихъ объятіяхъ и, выслушавъ благодарность за принесенные гостинцы, скорѣе спрашиваетъ: „ну что, какъ экзамены? сколько ихъ было? отвѣтили ли вы на нихъ?“—„Хорошо мы отвѣтили!“ услышитъ она въ отвѣтъ отъ меня и брата Миши,—и въ глазахъ ея появятся слезы радости. „Спасибо вамъ, дѣточки!“—ласкаетъ она насъ. „старайтесь отвѣчать на экзаменахъ хорошенько... Не отвѣтите,—тогда исключатъ васъ или оставятъ, лишивъ казеннаго содержанія, а вѣдь вы сами знаете, что платить за содержаніе васъ на квартирѣ намъ „съ батькой“ уже нечѣмъ“. (Отецъ въ это время былъ уже безъ должности и мы жили въ бурсѣ).—„Мы отвѣтимъ, маменька“,—утѣшаемъ мы ее, „непременно отвѣтимъ!“ Эти наши слова мать съ радостью несетъ домой, передаетъ ихъ своему „батькѣ“ (который любилъ при этомъ сказать: „finis coronat opus“) и вмѣстѣ съ нимъ обсуждаетъ, какъ бы удобнѣе и скорѣе исполнить всѣ наши просьбы и нужды.

—„Захаръ Иваповичъ! (Въ важныхъ случаяхъ мать обыкновенно такъ называла своего мужа). Ваня черезъ полгода кончитъ ученье, а у него сюртукъ и брюки очень плохи. Надо бы сшить ему новую суконную тройку“.

—„Знаю, знаю, голубка, что надо, да вѣдь доходы-то у насъ съ тобой очень плохи... Радъ бы я утѣшить Ивана при окончаніи курса, да денегъ нѣтъ, не на что купить сукна!“.

—„Нельзя ли занять ихъ у кого-нибудь?“

—„У кого занять?!.. Сама знаешь, что мы не успѣли еще расплатиться и со старыми долгами“.

Тѣмъ разговоръ и кончался. Мать хорошо знала, что отцу негдѣ взять денегъ, но говорила она ему объ этомъ для того, чтобы онъ зналъ семейную нужду и, когда она будетъ удовлетворена, далъ надлежащую оцѣнку трудамъ матери.

Проходитъ недѣли двѣ послѣ означеннаго разговора, и мать является къ отцу съ хорошимъ сукномъ.

—„Гдѣ ты это взяла?“—спрашиваетъ отецъ, разсматривая сукно.

—„Конечно, не украла, а купила“,—ласково отвѣчаетъ мать.

—„Я знаю, что купила, но гдѣ взяла денегъ на эту покупку?“

—„Было у меня полотно да три новины, вотъ я ихъ продала да и купила Ванѣ сукна“.

—„Спасибо тебѣ, спасибо, Сапа! За шитье тройки я самъ какъ-нибудь заплачу“.

И Иванъ Захаровичъ, по окончаніи курса въ семинаріи, щеголяетъ въ новенькихъ суртукѣ, брюкахъ и жилетѣ.

Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Картины прошлаго *).

(Изъ семейной хроники священника).

VII.

Такъ при помощи умной матери отецъ нашъ ростилъ и воспитывалъ свою большую семью. Трудно ему было, когда дѣтки были малолѣтками, но не легче стало, когда они и подросли. Двухъ дочерей нужно было одѣть прилично и потомъ пристроить, шести сыновьямъ нужно было дать образованіе. И всѣ свои обязанности въ отношеніи семьи батюшка исполнилъ, какъ истинно добрый и заботливый отецъ. Зная цѣну образованія, батюшка, при скудномъ пономарскомъ доходѣ, всѣмъ своимъ сыновьямъ далъ возможность получить образованіе, чтобы не бѣдствовали въ дальнѣйшей самостоятельной жизни, подобно ему. И теперь я удивляюсь, какъ у него, бѣднаго, хватило силъ добыть средства на содержаніе своихъ сыновей, не говоря объ остальномъ семействѣ. Но эти заботы и нужды отягощались еще иногда и нравственными потрясеніями. Много горя пришлось перенести отцу, когда одинъ изъ сыновей его бросилъ ученье, былъ въ солдатахъ, скитался по разнымъ мѣстамъ, пока не опустился совсѣмъ и не погибъ; когда другой сынъ тоже не захотѣлъ учиться и вышелъ изъ духовнаго училища. Однако родитель съ твердостію перенесъ эти тяжелыя его сердцу испытанія и полный всепрощенія сдалъ даже второму сыну свое мѣсто, Оставшись самъ безъ должности, отецъ нашелъ успокоеніе и утѣшеніе въ томъ, что этотъ сынъ устроенъ и у мѣста, а два другіе приняты въ семинарію на полное казенное содержаніе. Но прошелъ одинъ только годъ, и новому пономарю пришлось уволиться отъ должностя по неспособности къ пѣнію и другимъ причинамъ. Это новое горе сильно потрясло душу старика отца. Чтобы добыть себѣ средства къ жизни, онъ долженъ былъ оставить Абакумцево и переѣхалъ въ село Ильинское-пустое, гдѣ и исполнялъ должность сверхштатнаго причетника. Но не долго пришлось здѣсь жить нашему родителю: черезъ два года по пріѣздѣ, въ ночь на 5 февраля 1867 года, онъ неожиданно для насъ умеръ, на 72 году отъ рожденія.

*) Окончаніе. См. № 47 н. ч. сего года.

Батюшка какъ будто заранѣе чувствовалъ близость своей смерти. Еще въ сентябрѣ, провожая меня и брата Михаила въ семинарію, онъ былъ какъ то особенно нѣженъ и ласковъ съ нами. „Эхъ Миша, Миша, говорилъ онъ тогда старшему брату, снизившемуся за послѣднее время въ разрядномъ спискѣ, я, другъ, на тебя надѣялся: думалъ, что ты у меня студентомъ кончишь, а ты еще ниже спустился. Грустно мнѣ это, милый“! Въ голосѣ отца слышалишь слезы; слезы подступали и къ нашимъ глазамъ. Брату сдѣлалось стыдно, что недостаточнымъ прилежаніемъ онъ причинилъ огорченіе родителю; жалость къ старику отцу, измученному трудами и неусыпными заботами о насъ, тѣснила ему сердце, и онъ, чтобы утѣшить родителя, твердо сказалъ: „Не скорбите, тятенька! Я сказалъ, что кончу студентомъ и сдержу свое слово!“.. Старецъ точно просіялъ. „Ну, спасибо тебѣ“, сказалъ онъ брату, „я вѣрю, что ты не обманешь меня“...

Послѣ этого мы видѣлись съ батюшкою еще разъ, послѣ Рождества. Не далеко онъ шелъ тогда съ нами, съ полверсты, до перваго лѣсочка, но уже почувствовалъ усталость. Какой онъ былъ тогда грустный! Какъ крѣпко поцѣловалъ онъ насъ при послѣднемъ прощаніи! Съ какою любовью осѣнилъ насъ обоихъ крестомъ! Не забыть мнѣ его послѣднихъ словъ, обращенныхъ къ намъ: „учитесь, дѣти, хорошенько! порадуйте старика отца!“... О, родимый!.. Мы исполнили твое желаніе, мы оба кончили курсъ студентами, но гдѣ же ты? Что-же не дождался ты этого времени и не порадовался съ нами нашей радости?

Этой радостью подѣлились мы только съ старушкой матерью, которая пережила родителя на девять лѣтъ. Во все это время она не переставала трудиться и, живя поперемѣнно у своихъ сыновей, помогала имъ въ дѣлахъ хозяйства. Незадолго до смерти переѣхала она на житье къ брату Михаилу и здѣсь въ день Казанской Божіей Матери, 8 іюня 1876 года, скончалась мирно, на 74 году отъ рожденія. Когда я пріѣхалъ къ брату, она была еще жива, но ходить уже не могла. Но и въ такомъ состояніи не желала она утруждать другихъ уходомъ за ней и, если ей нужно было куда идти, она ползкомъ добиралась до желаннаго мѣста. За два дня до смерти священникъ сосѣдняго села исповѣдалъ и причастилъ больную. Наканунѣ вечеромъ я принесъ ей размоченной въ чайномъ блюдечкѣ просфоры и далъ ей съ ложки одинъ кусочекъ, но она едва могла проглотить его. Языкомъ она уже не владѣла. Я попросилъ матушку благословить меня, но ея уже мертвѣющая рука плохо ея слушалась, и она едва могла исполнить мою просьбу. Послѣ этого мы положили ее такъ, чтобы она могла видѣть святыя иконы. Едва забрезжило утро, я пришелъ провѣдать дорогую маменьку, но обнялъ уже одинъ бездыханный трупъ. Черезъ день къ вечеру вынесли мы дорогой прахъ изъ дома въ церковь, а на другой день братъ

совершилъ надъ гробомъ заупокойныя службы и отпѣваніе. и мы навѣкъ простились съ незабвенной нашей матерью—труженицей. Богъ судилъ ей быть похороненною вдалекѣ отъ своего мужа, но души ихъ и тамъ, на другомъ свѣтѣ, несомнѣнно, вмѣстѣ предстоятъ Богу и возносятъ по прежнему молитвы о насъ, своихъ милыхъ дѣточкахъ.

Вѣчная память вамъ, дорогіе и незабвенные наши родители! Суровъ и тяжелъ былъ вашъ жизненный жребій, но вы никогда никому не жаловались на бѣдную жизнь свою и, надѣясь на Бога, съ терпѣніемъ твердо шли впередъ, безъ ропота и жалобъ снося всѣ невзгоды далекаго жизненнаго пути; вы полагали жизнь свою за дѣтей и любили ихъ крѣпкою, безграничною любовью. Пусть же наградитъ васъ за это Господь въ будущей вѣчной жизни!—Воспоминанія о милыхъ моихъ родителяхъ я закончу словами народнаго нашего поэта Н. А. Некрасова, котораго они не разъ видали, такъ какъ усадьба его—сельцо Грешнево принадлежала къ Абакумцевскому приходу.

Итакъ: Я не ищу имъ поздняго вѣнца,
Но я хочу, чтобъ свѣтъ души высокой
Свѣтилъ для васъ средь полночи глубокой,
Подобно имъ, несчастныя сердца!

Д.